

ОБЛИК УЧЕНОГО (ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ)

Анатолий Акимович Королев: «Мы на линии высоких передач»

Анатолий Акимович Королев родился 16 апреля 1940 г. в г. Епифань Тульской области. Окончил историко-филологический факультет Тульского государственного педагогического института в 1964 г.

В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «История тульских патронных заводов». С 1973 г. работает в Высшей комсомольской школе — Институте молодежи — Московской гуманитарно-социальной академии — Московском гуманитарном университете. Доктор исторических наук с 1990 г., профессор с 1991 г. В 1990 г. утвержден зав. кафедрой истории и теории политических партий и общественных движений. С 1992 г. — заведующий кафедрой истории.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Лауреат конкурса «Лидер в образовании — 2003» в номинации «Лучший заведующий кафедрой», награжден серебряной медалью имени Н. Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке». Чрезвычайный член Общества биографических исследований Who is Who (штаб-квартира в Вене). Награжден медалью «К 850-летию Москвы», орденом МосГУ «Честь и служение» I степени. Награжден

Почетной медалью ЦК Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА) за заслуги в подготовке и воспитании молодых специалистов этой страны. Имеет медаль воина-интернационалиста, медаль «За верность присяге».

Специалист в области истории и теории молодежной политики общественно-политических организаций и государственных органов. В круг его научных интересов входят проблемы методологии, историософии, историографии, глобалистики, культурологии, религии, исторической психологии, науковедения. Читает курсы «Отечественная история», «Геополитическое положение России в современном мире», разработал и читает спецкурс «История и психология: немолчный диалог».

Действительный член ряда общественных академий: РАЕН, Международной педагогической академии, Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка. Является членом Ученого совета Центра исследований политической культуры России. Почетный профессор Центрального университета (г. Будапешт). Член научно-методического совета по истории Министерства образования и науки РФ. С 1994 г. председатель докторского диссертационного

совета по историческим наукам при МосГУ, член диссертационного совета по педагогическим и психологическим наукам. Подготовил 12 докторантов. Научный руководитель 46 кандидатских диссертаций. Член редколлегии журнала «Знание. Понимание. Умение».

Автор более 200 научных, учебно-методических, научно-популярных работ. Среди них: «Ясногорский машиностроительный завод (1875–1970 гг.). Исторический очерк» (Тула, 1971); «Ясногорск: очерки по истории города и района» (Тула, 1975; 2-е издание — 2003); «Вопрос ключевой, принципиальный» (М., 1982); «Требовательное доверие» (М., 1986); «Партия и молодежь» (М., 1989); «Политические партии и движения в СССР» (М., 1991; введение к сборнику документов); «Теория и методология современного исторического исследования. Библиографический указатель» (М., 1995); хрестоматия «Геополитика: история и современность» (М., 2006; в соавторстве) и мн. др.

Мы беседуем с Анатолием Акимовичем о богатом жизненном пути ученого, о том, что было важно для него в периоды его становления и что значит быть заведующим кафедрой исторических дисциплин почти тридцать лет подряд.

— Анатолий Акимович, в какой семье Вы родились, воспитывались?

— Я из учительской когорты. Папа Аким Георгиевич Королев был учителем истории, работал директором школы, мама Тамара Николаевна была преподавательницей начальных классов. В годы войны она также освоила немецкий язык, преподавала его. Учителями были и дед, и бабушка со стороны мамы, дяди, тети... Так что неудивительно, что педагогами стали в итоге и мои сестры (старшая 1935 г. р. и младшая 1950 г.р.), и я сам.

Также можно сказать, что я — наследник казачьих кругов. Епифань — город, в котором я родился, — это старинный русский, точнее — казачий город, который был создан в конце XVI века как крепость в систе-

ме обороны Московского государства, его южных рубежей. Впоследствии город стал мещанским.

Родился я за год до начала Великой Отечественной войны. Отец воевал с 1943 по 1945 г.: служил зенитчиком на Ленинградском фронте, затем его перебросили на Дальний Восток. Отмечу, что сейчас идет переоценка итогов Великой Отечественной и битва за Ленинград, в которую были вовлечены миллионы людей, в том числе и мой отец, по кровопролитности, ожесточенности она рассматривается на уровне Сталинградской, даже считается превышающей последнюю.

Мы с мамой и старшей сестрой оказались в районе оккупации. Но это длилось всего две недели. Когда я повзрослел, должен был бы писать в своих анкетах при поступлении на работу, что находился на территории, оккупированной врагом. Такая графа предусматривалась вплоть до 1960-х годов. Но я тогда был в «розовом» детстве, и данный факт, к счастью, никогда не всплывал.

Когда отец пришел с фронта, то вернулся к своим старым обязанностям преподавателя истории, директора средней школы. Однако тогда поработать в школе пришлось недолго. Партии нужны были кадры. Как-то его вызвали в обком партии, сказали: «Аким Георгиевич, вам надлежит поработать председателем райисполкома в городе Плавск Тульской области». Мы поехали туда в 1946 г.

Сейчас, конечно же, молодежь не знает, как тяжело работали советские и партийные работники. А режим был такой, как установил Сталин, сам работавший по ночам и иногда звонивший сам подчиненным даже среднего звена. В это время все партийные секретари тоже были вынуждены трудиться, были готовы принять звонок, получить задание, ответить на любой вопрос. Спали всего по три-четыре часа в сутки. Недосыпание у всех было хроническое. Бюро райкома партии начиналось в полночь. Отец приходил в 4 часа утра. Часов в 8 за ним приезжала машина либо в райком, либо еще куда. От такого напряжения люди «горели» как свечки. Такая

практика изменилась только после смерти Сталина. Но и позже работа была выматывающая. Если ты выживал, то получал повышение до должности начальника управления областного совета, либо зав. отделом обкома партии.

Мой отец не смог подняться выше. В 1952 г. надорвался, когда вытаскивали из бездорожья автомобиль в очередной поездке. После инфаркта его еле откачали. Получил инвалидность и был освобожден от партийной работы. Вернулся к преподавательским будням, выбрав для работы школу в городе Ясногорске, между Тулой и Серпуховым. Близко была также и Москва. В это время он думал о нас — своих детях, чтобы мы могли выбирать дальнейшее место учебы в любом из этих городов.

Я сам пошел в школу в 1947 г.

— *Быть ребенком в семье учителей — не сложно ли это, не повышает ли это планку требований в учебе со стороны родных?*

— Наше военно-послевоенное поколение имеет свою ментальность, свое мировосприятие. Жили бедно, но понятие о чести было. Учиться было органически просто. Отец, несмотря на то что был историком, хорошо разбирался в математике. Поэтому моя младшая сестра Валя стала математиком, сейчас она директор вечерней школы в Ясногорске — райцентре в Тульской области. У меня же ярко выразились гуманитарные наклонности. Я с детства любил английский язык, занимался дополнительно с преподавателем. Интересовался историей и другими гуманитарными предметами.

Помню, у нас был учитель Сергей Иосифович — преподаватель русского языка и литературы. Он окончил Варшавский университет, имел очень солидную филологическую, психологическую подготовку. Рассказывал массу интересных вещей, связанных с русскими писателями, все то, о чем не прочитаешь в учебниках. Не скажу, что он формировал диссидентов, но кругозор наш, безусловно, расширял. В математике я не был силен, имел «четверку» по алгебре, поэтому школу закончил в 1957 г. только с серебряной медалью.

Через месяц пошел работать в Ясногорскую районную газету литературным сотрудником сельхозотдела. Там как раз увеличили тираж и штат. Немного писал, еще будучи школьником, о работе кружка юннатов, о подготовке нашей школы к Всемирному молодежному фестивалю. Это было первое событие такого рода, и к нему готовились ответственно по всей стране, пропаганда работала хорошо.

— *Вы и в дальнейшем хотели состояться как журналист?*

— Да, я поступил на факультет журналистики Московского госуниверситета, причем на заочное отделение, чтобы продолжать работать. Не знаю, считал я это призванием или нет, меня просто тянуло писать, самовыражаться таким образом. Но было очень трудно во всех смыслах. В это время разрешили военным поступать в гражданские учебные заведения. Конкурс был 18 человек на место. Пришло очень много работников военных дивизионных, армейских газет. Так что наш курс получился военизированным.

Другая проблема заключалась в том, что приходилось работать в тяжелых условиях. Один день проводишь в совхозе или колхозе, до которого добираться зимой на лошади, летом — на велосипеде, в распутицу надеваешь сапоги. Другой день пишешь, выполняешь норматив — не менее 200 строк в номер. Это было для меня суровой школой, ведь я был всего семнадцатилетним вчерашним школьником, воспитанным в интеллигентской учительской среде.

И в целом совмещать учебу с работой было сложно. В периоды сессий приходилось ехать в столицу, там штудировать тома литературы. Журфак в то время работал по программе филфака. Естественно, что во время сдачи экзаменов перед глазами все плыло... Пришлось принять решение об очной учебе.

— *Перевестись на очное отделение факультета журналистики не могли? Ведь Вы в итоге окончили совсем другой факультет другого вуза...*

— Не получилось. Со второго курса перевелся в Тульский пединститут, где был историко-филологический факультет. Все-таки история меня тоже увлекала. Может, заговорил голос предков: отец-то был историком. Тем более что тогда я еще начал собирать материалы об истории Ясногорского машзавода.

— ...которые впоследствии и перетекли в Вашу научную работу — в диссертацию?

— В известной степени — да. Это, можно сказать, была разминка. Сначала я публиковал результаты своих поисков по истории Ясногорского завода и района в районной газете. В научных изданиях — в начале 1960-х годов — стал размещать свои исследования по совсем другой теме. У меня было хобби — изучал творчество Льва Николаевича Толстого. Выступал в музее Толстого в Москве. Стал входить в круг толстоведов. Когда я уже работал в пединституте, то мне даже предлагали должность директора музея «Ясная Поляна», но тогда вопрос решался о моей поездке в Москву, в ВКШ...

А до этого я писал краеведческие очерки, как наступали каникулы — ехал в архивы Ленинграда, Москвы. Был фанатом своего дела, встречался с толстоведами, переписывался с личным секретарем Толстого Н. Н. Гусевым.

— Если Вы так серьезно занимались Толстым, почему же все-таки темой своей кандидатской диссертации выбрали заводы?

— У меня были еще и другие интересы. После окончания вуза я стал работать заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации в Тульском обкоме комсомола. Курировал газету «Молодой коммунар». Когда поступил в заочную аспирантуру к профессору Ашуркову — крупнейшему специалисту страны по оружейным заводам, он мне сказал: «Есть совершенно неисследованная тема, материалы в архивах — нетронутые, это — история патронных заводов». А я предложил ему: «Давайте я буду писать об истории молодежного движения». Он обиделся, ведь это была совершенно не его тема. Считал, что экономическая история

имеет прочную основу, а в молодежной тематике много конъюнктуры. Что такое история тульских патронных заводов? Это история развития экономики военной отрасли, даже монополии.

Нас «мирил» проректор по научной работе, я стал работать над темой, предложенной руководителем. Сейчас я понимаю, что Ашурков был прав, он повернул меня к фундаментальным знаниям, и я очень благодарен ему за это. Влияние моего научного руководителя оказалось также больше, чем у толстоведов. Между прочим, мой «дуализм» сохранился, через двадцать лет я защитил докторскую диссертацию по молодежной проблематике.

Таким образом, история моих «блужданий» закончилась тем, что я стал профессиональным историком.

— Нашли для себя интересное в истории заводов?

— Период истории, который я охватил в своем исследовании, — конец XIX — начало XX века. То есть досоветское время. Интересное было в том, что я поднял архивные данные не только по истории производства, но и по связям заводов с банками, с военным ведомством, по коррумпированным связям чиновников с частными предпринимателями. Кроме того, привлекал и данные мемуаров, встречался со старыми оружейниками для создания колорита, выяснения мотивов поведения людей, стремился «вчувствоваться» в изучаемую эпоху.

Тема меня захватила так, что я поработал в 27 архивах. Чтобы завершить диссертацию (сложно было совмещать с газетной работой), для меня «выбили» 10 месяцев очной аспирантуры в Министерстве просвещения. За это время я опубликовал около десятка научных работ в сборниках. Диссертация получилась в 500 страниц (тогда не было особых ограничений в объемах). Но все равно меня попросили сократить. Я уменьшил объем до 357 страниц. Когда защищал диссертацию в Московском областном пединституте имени Н. К. Крупской (сейчас это Московский государственный областной

университет), то мой первый оппонент из МГУ сказал, что по глубине разработки и объему получилась почти докторская диссертация. Что и говорить, лестно было слушать эти суждения.

Когда я закончил аспирантуру, места на кафедре истории не было. Пришлось поработать на кафедре политэкономии, так как моя тема была связана с историей производства, историей монополистического капитала. Прочитал «Капитал» Маркса и понял, что все-таки это не моя область.

— *Какие обстоятельства привели Вас в Москву?*

— Оказался в столице я в начале 1973 г. Не скрою, Москва в те времена привлекала тем, что это был центр науки и культуры. Мне очень хотелось переехать сюда. Наши земляки-туляки, хорошо знавшие меня, в это время работали в ЦК ВЛКСМ. Они и рекомендовали меня на работу в Высшую комсомольскую школу.

Меня взяли сначала в ЦК ВЛКСМ, в отдел комсомольских органов. Я там проработал полгода в секторе по подготовке и переподготовке кадров, который курировал Высшую комсомольскую школу. Затем, как и замышлялось, я пришел работать сюда как заместитель заведующего кафедрой комсомольского строительства. Заведующим кафедрой тогда был Борис Александрович Ручкин.

Науку комсомольского строительства (да и учебный курс) надо было тогда только создавать. Я на кафедре был, по существу, единственным человеком, который имел стаж настоящей вузовской работы. Кроме меня, пришли практики — секретари райкомов партии, обкомов комсомола, закончившие Академию общественных наук при ЦК КПСС. Что скрывать, иные путали спецкурс со спецсеминаром...

В 1977 г. я стал заведующим этой кафедрой. С тех пор уже 30 лет работаю заведующим различными кафедрами нашего вуза.

Занимался не только наукой. Очень много внимания и энергии отдал написанию различных справок, докладов. Мы с ректором

ВКШ Николаем Владимировичем Трущенко, очень талантливым человеком, подготовили массу текстов выступлений для руководителей.

— *Тему докторской решили уже посвящать именно Вашей практической работе?*

— Да, в связи с тем что я работал в комсомольской школе, у меня было много публикаций по проблемам истории молодежного движения, комсомола. Я их собрал, суммировал, в течение нескольких лет активно трудился в научных и комсомольских архивах. Тема моей докторской «Политика КПСС по повышению роли государственных и общественных организаций по воспитанию молодежи (период с 1965 по 1990 гг.)». Защищался в 1990 г.

— *Успели защититься с партийной тематикой прямо в последний момент... Как пережили изменения в жизни общества и молодежного вуза в 1980–1990-е годы?*

— К началу перестройки я уже работал профессором на кафедре истории КПСС, которая по старым временам была «матерью всех наук». Естественно, ее надо было реорганизовывать. А коллектив у нас был большим — 30 преподавателей и столько же аспирантов. Надо было выбрать заведующего, прежний перешел на работу в другой вуз. Демократизм бил через край. Тогда было намерение избирать всех и вся. Я помню, проходил через сито обсуждения на партбюро, на партсобрании, на заседании кафедры, на Ученом совете ВКШ. При этом начались разные интриги. Один уважаемый профессор выдвигал свою креатуру, а молодежь, которая прошла нашу аспирантуру, хотела видеть руководителем меня. Я не горел желанием, но они меня упростили. В конце концов, заведующим кафедрой стал все-таки я. В 1990 г. кафедру переименовали в кафедру истории политических партий и общественных движений, так же как и ВКШ — в Институт молодежи.

— *Кафедру раздробили или не стали?*

— Она осталась цельной, преподаватели начинали переквалифицироваться. Но было сложно. Аспиранты не находили общего

языка с научными руководителями. Ссылались на новые идеи. Ряд профессоров отстаивал консервативные взгляды. Конфликт интересов был неизбежен. Кто-то из «мэтров» в новых условиях вынужден был покинуть кафедру.

— *А Вам лично тяжело было перестраиваться?*

— Для меня лично это не было трагедией, ведь я был подготовлен как гражданский историк, не заикливался на сугубо историко-партийных проблемах. Прежде занимался и краеведением, и политэкономией, и журналистикой. Также прошел большую школу на кафедре комсомольского строительства, которая готовила, по существу, менеджеров-управленцев (к этому готовил раздел «Организационно-комсомольская работа»), воспитателей (раздел «Теория и практика воспитания»).

— *Меня заинтересовал тот факт в Вашей биографии, что в 1980 г. Вы были командированы в Афганистан. Как это произошло и чем Вы там занимались?*

— В апреле 1978 г. совершилась Апрельская («саурская») революция в Афганистане, но события разворачивались так, что Политбюро ЦК КПСС приняло решение об оказании интернациональной — экономической, финансовой, дипломатической и преподавательской — помощи афганскому народу.

Осенью 1979 г. последовал звонок от секретаря ЦК ВЛКСМ В. М. Мишина ректору ВКШ. Нужен был человек — преподаватель общественных дисциплин в Институт общественных наук ЦК Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Ректор вызвал меня. Сказал о поручении ЦК ВЛКСМ, я согласился.

В декабре последовал звонок уже о сборе из Международного отдела ЦК КПСС. Срочно, быстро в течение недели я прошел разные комиссии. С меня взяли подписку о неразглашении тайны и в начале января «забросили» в составе группы, которую возглавил второй секретарь ЦК компартии Узбекистана. В этой группе были ответст-

венные работники ЦК КПСС, секретари обкомов партии 6–7 человек и я — представитель ВКШ. Прилетаем, а там уже состоялся переворот, наши высадили войска — ограниченный воинский контингент — Псковскую десантную дивизию, примерно 15 тысяч человек. Они штурмовали дворец Амина и взяли под контроль важнейшие объекты Кабула.

Перед отъездом нас кратко проинструктировали об обстановке, сообщили нашу задачу: помочь революционной партии Афганистана установить и укрепить власть.

— *А в чем заключалась именно Ваша задача?*

— Мой официальный статус — советник ЦК КПСС, командированный в Институт общественных наук ЦК НДПА. Числился же дипломатом, советником посольства, там и получал зарплату. А фактически же получилось, что я оказался советником ЦК ДОМА (Демократической организации молодежи Афганистана), кроме того, деканом молодежного факультета Института общественных наук ЦК НДПА, зав. кафедрой строительства ДОМА, зав. кафедрой строительства НДПА. И все это за одну зарплату! То есть я занимался и советническими, и преподавательскими делами, а заодно и писал аналитические справки для Службы внешней разведки об умонастроениях местной молодежи (сейчас в этом уже можно признаться).

Отправлен я был на три месяца. За это время для преподавания написал краткую историю ДОМА, историю НДПА, историю профсоюзов, женской организации Афганистана. Все это перевели на язык дари. Руководитель группы советников в Институте общественных наук профессор Ю. А. Кузнец вышел с предложением в секретариат ЦК КПСС продлить мою командировку, которая растянулась на два года. Работа в целом была нормальная.

— *Вы так легко сказали: «Работа нормальная». Неужели не было опасностей для жизни?»*

— А как же, конечно, были! Ведь мы находимся в стране, кипящей в революционном

процессе. За мою голову как советника посольства душманы предлагали миллион афгани. Это приравнялось к стоимости «головы» советского полковника.

— *Как же в таких условиях были организованы Ваша жизнь, Ваш быт?*

— Мы жили на территории Кабульского политехнического института. Там находился комплекс зданий: учебный, спортивный и жилые дома преподавателей. Охрана была, но чисто символическая: у ворот сидел охранник с автоматом в калошах на босу ногу. На территорию можно было легко пройти. Нас успокаивало то, что здесь же, на территории Кабульского политеха, размещался взвод советских десантников, которые отдыхали от войсковых операций.

Институт общественных наук ЦК НДПА размещался здесь же, в учебном корпусе. Но моя работа как советника ДОМА, НДПА заставляла меня выезжать с выступлениями перед молодежным активом лицеев, университетов и в воинских частях. Нашим солдатам и офицерам рассказывал о традициях и обычаях афганского народа.

— *Вас охраняли?*

— Какая там охрана! Жили несколько человек в трехкомнатной квартире, у каждого пистолет под подушкой, на квартиру выдавали автомат. Раз в неделю мы тренировались на полигоне МВД. Дружили с десанниками, военные чистили нам пистолеты, я им помогал по учебе (ряд офицеров заочно учились в академиях).

У меня была машина и водитель — неграмотный афганец, который мог сдать меня душманам в любую минуту. Нападения были. Раз пять душа расставалась с телом. Спали под канонаду, научились по звукам определять расстояние, на котором велись боевые действия. Были случаи, когда нас обстреливали...

Я много писал об этом, у меня опубликованы журналистские зарисовки о том времени. Мне просто повезло, что со мной ничего не случилось.

— *Вы — один из старожилов нашего вуза. Поделитесь, пожалуйста, своими наблюде-*

ниями о том, как менялось это учебное заведение: ВКШ, Институт молодежи, МГСА, МосГУ... Как это отражалось на студентах, на педагогах?

— История вуза богатая, и ее, конечно же, надо сохранить. В 2009 г. будет отмечаться его 65-летие. Для этого мы сейчас разрабатываем проект истории нашего учебного заведения. Инициатор и шеф-редактор издания — ректор Игорь Михайлович Ильинский.

Чем была ВКШ? Элитным учебным заведением, которое готовило молодежную управленческую элиту, пополнявшую структуры власти. Наши выпускники — наша гордость — разбросаны сейчас по странам СНГ и дальнего зарубежья.

Есть такое современное понятие, как корпоративный дух. У ВКШ он был уже в советские времена и существует до сих пор. Есть преподаватели-ветераны, которые работают сейчас: Игорь Михайлович Ильинский, Борис Александрович Ручкин, Иван Сергеевич Хорин, Анатолий Эммануилович Воскобойников, Анатолий Иванович Шендрик, Владимир Константинович Криворученко, Виктор Пантелеевич Мошняга и другие. Это наш костяк. Что такое традиция? Это линия «высоких передач» и у нее есть опоры — люди, которые передают эту традицию. Если даже в ВКШ не давали такие знания, как в МГУ имени Ломоносова, но здесь всегда работали очень интересные люди — практики, ученые, которые имели богатый жизненный опыт. ВКШ могла экспериментировать, приглашать интересных людей на встречи.

Руководство нашим учебным заведением со стороны ЦК ВЛКСМ и партии, конечно, было. Но здесь изучали то, что нельзя было изучать в других учебных заведениях: и историю комсомола, и историю мирового молодежного движения, и взаимодействие с зарубежными союзами. У нас учились представители 60 стран, в том числе западных. Было общение разностороннее, цивилизационно-культурное. Иностранцев возили в колхозы, в совхозы, на промышленные предприятия, в шахты. Я с поляками, напри-

мер, ездил в Мурманск, посещал военные корабли. Представителям союзов молодежи капиталистических стран давали посмотреть за «железный» занавес, показывали, что советские люди — нормальные и живут они обычно, как люди: работают, создают семьи, занимаются спортом и т. д.

Кроме того, надо было иметь хорошую образовательную, методическую подготовку педагогам, чтобы выступать перед молодежью, особенно Италии, Франции, говорить им об азах коммунизма, в случае ошибок — сразу засмеют, устроят обструкцию.

— *Вы вспоминаете этот период ностальгически? Считаете советские времена золотыми?*

— Не скажу, что сильно ностальгирую. Человек по природе очень противоречив.

С одной стороны, да, мне жалко, ведь была хорошая работа с аспирантами, был конкурс при поступлении, отбор, они работали. 80–90% защищались в срок. Проблемы были, но и дисциплина была. Попробуй не явись на занятие...

А с другой стороны, сейчас открылись новые возможности для познания, мы увидели мир еще более разносторонним, многоцветным, увидели хорошее и плохое на Западе и у нас.

Но сегодня аспиранты приходят разношерстные. Определенная часть хочет уклониться от армии. Работаем с ними, есть нормативы — 25% должны защититься, иначе совет по защите закроют. Мы стараемся укладываться в эти пределы, но расслабляться нельзя.

Какие сейчас студенты? Я работаю на первом курсе факультетов рекламы и психологии, также читаю на факультете психологии и социальной работы оригинальный спецкурс по исторической психологии, работаю также и на пятом курсе факультета международных отношений. Там читаю курс по геополитике. Первый курс — проблемный. Их приходится одновременно доучивать за школу и повышать их научный уровень, помогать им осваивать вузовскую программу.

— *Вы сказали о том, что уже тридцать лет работаете заведующим кафедрами. Какково это?*

— Да, действительно, стаж у меня большой. На заведующих кафедрами нигде не учат. Приходится выполнять 60 разнообразных функций (управленческих, воспитательных, координационных и т. д.). Надо быть первым в преподавании, в научной работе. Много приходит зачастую только с опытом. Пятилетний срок пребывания в указанной должности мало, нужен десятилетний, может, и пятнадцатилетний срок. И это не преувеличение.

Например, научная концепция нашей кафедры формировалась пять лет. Чтобы объединить усилия преподавателей, которые имели свои специфические научные интересы, решили разрабатывать общекафедральную тему «Социокультурные аспекты отечественной и зарубежной истории». Постепенно, исподволь в рамках этой темы выкристаллизовывались два направления.

Первое — «Формирование российской (русской) ментальности». Каждый год или через два выходят тематические сборники с привлечением ведущих ученых из МГУ им. Ломоносова, МПГУ, Московского государственного университета управления, Московского государственного областного университета, Института российской истории РАН. Проблематика разнообразна: здесь формирование исторического сознания подрастающих поколений, Россия между Западом и Востоком (социокультурный аспект), трансформация массового сознания россиян на рубеже XX–XXI веков, масонство в истории России (социокультурный и психологические аспекты), формирование ментальности русского народа, образ России глазами иностранцев и т. д.

Второе направление — разработка теоретических, методологических и методических проблем исторической психологии, изучение человека исторического в контексте ушедших эпох и современного этапа развития страны. Свой вклад в исследование указанных проблем внесли профессора Мансур

Михайлович Мухамеджанов, Юрий Альбертович Васильев, Сергей Викторович Алексеев, Вера Николаевна Егошина, доценты Александр Александрович Инков, Павел Петрович Исупов и ваш покорный слуга.

Сплочению преподавательского коллектива, сближению научных интересов и формированию корпоративной культуры способствовали разработка и выпуск учебно-методического комплекса по отечественной истории: курс лекций, вышло в свет его второе издание, хрестоматия в двух томах, методические пособия по отдельным темам и т. д. Отмечу в этой связи деятельность учебно-методического объединения (руководитель — профессор Надежда Дмитриевна Оконова, доценты Татьяна Васильевна Конюхова, Людмила Юрьевна Тихомирова).

Наша кафедра стремится занять достойное место в межкафедральных проектах: по исследованию проблем глобалистики, по изучению теоретических, методологических и методических вопросов, которые складываются в МосГУ в рамках образовательной парадигмы, выдвинутой Игорем Михайлови-

чем Ильинским, — «Знание. Понимание. Умение».

Научный престиж кафедры поддерживается в историческом сообществе Москвы и России активным участием в международных и республиканских научных конференциях, симпозиумах, рецензированием научных трудов, подготовкой специалистов высшей квалификации. При МосГУ действует докторский совет по историческим наукам, председателем которого является зав. кафедрой истории.

Сейчас трудно определить тот момент, время, когда общественно-официальные интересы кафедры становятся твоими личными. Всякое достижение отдельного преподавателя рассматривается как и твое достижение, а его промахи, недочеты — личной досадой и горечью. Видимо, не является зазорным, когда говорят: «Это кафедра Иванова или Петрова». Важно сохранить дух состязательности, дух инновационности в повседневной вузовской работы.

Беседу вела
Ч. К. ЛАМАЖАА